

от родительского контроля, способность брать на себя семейные и супружеские роли, а также ответственность за сохранение семьи, свои поступки и их последствия, умения адаптироваться к супругу, говорить о значимых эмоциях, чувствах и контролировать их.

С целью выяснения отношения старшеклассников к браку и семье нами было проведено исследование среди 50 учащихся 10-11 классов гимназии № 4 г. Витебска. Анкетирование показало, что 60% опрошенных школьников положительно относятся к браку, но 40% не хотели бы создавать семью до окончания учебы. Оптимальным возрастом для создания семьи 90% учащихся считают возраст между 20 и 30 годами. 40% опрошенных хотят в семье равноправия между полами, равного участия мужчины и женщины в решении семейных дел и создании семейного бюджета. 40% школьников с пониманием относятся к ранним бракам, но считают их недолговечными. Основным мотивом создания семьи 80% опрошенных учащихся считают любовь, а основной причиной распада – супружескую неверность.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что в целом опрошенные подростки повзрослому смотрят на жизнь, стремятся к личности самореализации и хотят в будущем создать семью. Это актуализирует проблему подготовки старшеклассников к семейно-брачным отношениям. С целью повышения уровня знаний школьников о брачно-семейных отношениях посредством формирования более четкого представления школьников о взаимоотношении полов, о брачно-семейных отношениях, о понятиях «любовь» и «семья», о личных и семейных интересах, об анатомии и физиологии полов, мы предлагаем программу для старшеклассников «Подготовка молодежи к семейно-брачным отношениям».

Данная программа включает в себя 34 занятия по пяти направлениям (этическое, психологическое, семейно-педагогическое, экономическое, медико-гигиеническое). Реализация программы предполагается на протяжении всего учебного года. В зависимости от творческой позиции педагога материал программы можно излагать по определенному направлению или чередовать занятия из разных направлений.

Список литературы:

1. Алешина, Ю.Е. Социально-психологические методы исследования супружеских отношений / Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубровская. – М.: Просвещение, 1987. – 243 с.
2. Газман, О. Педагогика свободы. Педагогика необходимости / О. Газман. // Учительская газета. – 13 мая 1997.
3. Лаптеков, С.Д. Духовно-нравственный мир учащейся молодежи: Пособие для педагогов и руководителей школ. – Мн.: Амалфея, 2001. – 281 с.

СЕКЦИЯ 2. ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9: 30

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВТОРИЧНОЙ УКОРЕНЕННОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

*Агей Е.В. (УО «ВГУ им. П.М. Машерова»)
Науч. рук. – Уткевич В.А., канд. филос. наук, доцент*

Проблемы онтологической укорененности человеческого бытия исследовались еще в рамках древнегреческой философии, однако сам термин «укорененность» в широкий научный обиход вошел лишь с середины прошлого столетия, благодаря работам немецкого философа М. Хайдеггера, который придавал ему в первую очередь материалистический смысл. Первичная, основополагающая укорененность для Хайдеггера – это сопринадлежность человека к почве родной земли. Именно она в дальнейшем позволяет ему выйти в ту сферу интеллектуального бытия, которую можно назвать подлинной творческой деятельностью. В последствии, такой выход приводит к мультиплицированию корней его онтологического бытия и к появлению феномена вторичной, то есть социальной укорененности.

Таким образом, родная земля, как особый объект человеческого бытия, имманентно присущая каждому индивиду с самого момента его рождения (а может быть и зарождения), «создает» некое первичное, базовое отношение, взаимосвязь между собой и отдельным индивидом, а тем самым, изменяя его, по существу «создает» нового индивида, как носителя этого отношения. Конечно, в данном случае речь не идет о чисто креационистическом акте, напротив укорененность

происходит не в онтологическом вакууме, а в пространстве социопсихологического поля человеческого бытия. С другой стороны, укорененность как наиболее общая форма онтологической взаимосвязи человека с миром, как уже отмечалось, порождает вторичные взаимосвязи между отдельными людьми. Она не просто детерминирует эти взаимосвязи, но и отбирает их, применительно к конкретной коммуникативной ситуации.

Необходимо подчеркнуть, что в основе данного процесса лежат не только внешние, объективные, но и внутренние, субъективные, психологические детерминанты человеческого поведения. В качестве последних необходимо указать, во-первых, на присущее большинству из людей стремление к осознанию себя в качестве особенных, отличных от других элементов социального бытия. Во-вторых, с одновременной потребностью идентификации своего «я» с конкретной человеческой общностью. В-третьих, с стремлением к воссозданию целостной общности путем кооперации, объединения этого «я» с иными индивидами. Последнее при своей практической реализации будет не просто социализацией, а социо-психологическим процессом, базирующемся в том числе и на психологических особенностях человека. Вот почему русский философ Л.А. Тихомиров в работе «Монархическая государственность» отмечал, что в основе всякой социальной общности лежит психологическая кооперация составляющих ее индивидов, причем в данное отношение вступают именно их нервные центры. «Таким образом, – подчеркивал Тихомиров, – законы кооперации, – возможной для животных и человека – при возникновении среди них общности – суть законы кооперации **чувств, представлений и желаний**, кооперации того, что составляет наш психологический мир. Законы общности, а, стало быть, и гражданственности и политики развиваются из психического источника. Это несомненно до полной очевидности» [2, с. 11].

Психологическая идентификация человека с другими людьми и с некоторой социальной группой основывается на его ощущении общности, отождествленности с этими людьми. Отметим, что такое ощущение даже в том случае, когда оно носит неосознанный характер, базируется на таком гносеологическом феномене как предзнание или предрассудочное знание. Предзнание – это тоже знание, но существующее в своей потенциальной, актуально неразвернутой форме, и как всякое знание оно не носит изначально личностного характера. «Дело в том, – отмечает белорусский ученый О.И. Уткевич, – что если бы знание носило только лишь личностный характер, то никогда не мог бы осуществляться никакой процесс его передачи от одних людей к другим. Все, что только лично – всегда будет ограничено рамками отдельного «я» и не в состоянии выйти за эти рамки. На самом деле, существует социальный способ передачи знания, базирующийся на нескольких инвариантных сущностях человеческого бытия, общих практически для всех индивидов» [3, с. 21].

Укорененность как раз и принадлежит к тем «инвариантным сущностям человеческого бытия», которыми обладают абсолютное большинство людей, с самого момента своего рождения. Конечно, онтологические корни, связывающие индивида с родной землей, не являются его собственностью: они принадлежат самому бытию в целом, а не отдельным его субъектам. Вот почему изначальная сопринадлежность к этим корням должна найти свое гносеологическое закрепление, а, следовательно, в процессе социализации предзнанию необходимо со временем перерасти в полноценное знание. Слова: «Познай свои корни» – представляют собой не просто красивую поэтическую метафору, они выражают само психологическое стремление человека к социальной идентификации своего «я». Нежелание познавать эти корни тождественно нежеланию человека приобретать вторичную укорененность, что с течением времени с неизбежностью приведет к утрате и первичной. Порождением данного процесса является полная онтологическая абулия. Норвежский писатель К. Гамсун, в романе «Плоды земли», описывая судьбу деревенского молодого человека Элезиуса, взятого в город: оторванного от своих деревенских корней и не приобретшего городских, называет его словами «почти ничто». «На этом молодом человеке, – пишет Гамсун, – словно лежит печать несчастья и обреченности, его словно поразила порча. Уж лучше бы добрый окружной инженер не обратил на него внимания в детстве и не забрал с собою в город, чтоб сделать из него человека; должно быть, у мальчика подрезали корни, и он зачах. Все, что он затевает, сказывается потом каким-то изъясном, какой-то чернотой на светлом дне...» [1, с. 316].

Отметим, что рассмотренная нами идентификация способствует последующей кооперации, ибо в последнюю стремятся вступать в первую очередь индивиды, ощущающие и осознающие свою онтологическую тождественность. Тождественность в данном случае необходимо понимать не в формально-логическом смысле как совпадение или неразличимость субъектов кооперации, а как сопричастность двух и более индивидов в внележащих их третьем. Это третье и является почвой родной земли.

В заключение подчеркнем, что рассмотренное нами триединое стремление людей к осознанию себя в качестве элементов бытия, с одновременной идентификацией с конкретной человеческой общностью и с воссозданием этой общности путем кооперации с другими людьми, представ-

ляет собой форму активного человеческого поведения. «Несомненно, – отмечает О.И. Уткевич, – в поведении присутствуют и элементы наведения, некоего целенаправленного воздействия на индивида. Наведение всегда онтологически ущербно. Основной его идеей является идея отрицания объективного знания как основы подлинного поведения... Но тогда мы будем иметь дело не с управляемым поведением, а манипулированием» [3, с. 22–23]. Применительно к теме исследования можно утверждать, что данный способ психологического воздействия в настоящее время достаточно широко применяется по отношению к белорусскому народу как со стороны наших зарубежных «доброжелателей», так и их ставленников в самой Беларуси. Эффективно противостоять этому влиянию можно лишь путем такой вторичной, социальной укорененности, которая органическим путем вырастает из первичной, онтологической укорененности человеческого бытия.

Список литературы:

1. Гамсун, К. Плоды земли // Собр. соч. В 6 т. Т. 4 / К. Гамсун. – М., 1996. – С. 4 – 332.
2. Тихомиров, Л. А. Монархическая государственность / Л. А. Тихомиров. – С.–Петербург, 1992.
3. Уткевич, О.И. Эстетическая детерминация социотипического поведения личности // Социотипическое поведение личности: сборник научных статей / О.И. Уткевич. – Витебск, 2011. – С. 20–23.

УДК 159.922.76-053.6

ПРИЧИНЫ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

*Березина В.В. (УО «ВГУ им. П.М. Машерова») /
Науч. рук. – Шкетик Е.В., преподаватель*

Профессиональный интерес педагогов, психологов и работников правоохранительных органов к причинам девиантного поведения подростков весьма высок и устойчив на протяжении длительного периода времени. Об этом свидетельствует направленность и количество работ, посвящённых проблеме отклоняющегося поведения. Наука, литература и религия с различных сторон рассматривают и оценивают это явление. Проблема «причин отклоняющегося поведения подростков» носит междисциплинарный и дискуссионный характер. Это подчёркивает непреходящую актуальность проблемы девиантного поведения.

В настоящее время, когда идут интенсивные процессы изменения в различных сферах общества, особое внимание необходимо уделять подросткам, с их ещё неустоявшимся мировоззрением и подвижной системой ценностей. Подростковый возраст – самый трудный и сложный из всех детских возрастов, который пронизывает все стороны развития: анатомо-физиологическое строение, интеллектуальное и нравственное развитие, а также разнообразные виды подростковой деятельности. Кроме этого, подростковый возраст является одним из самых опасных для возникновения девиантного поведения.

Изучением причин отклоняющегося поведения подростков занимались такие учёные как Антонян Ю.М., Фельдштейн Д.И., Кон И.С., Личко А.Е. и многие другие. Внимание большого количества специалистов способствовало созданию многообразия подходов к определению причин, детерминирующих девиантное поведение.

Под детерминацией исследователи понимают совокупность факторов, которые вызывают, провоцируют, усиливают или поддерживают отклоняющееся поведение. Выделяют следующие группы факторов, детерминирующих девиантное поведение подростков; 1) внешние условия физической среды (шум, теснота); 2) внешние социальные условия (СМИ, мода, субкультура, личности родителей); 3) внутренние наследственно-биологические и конституциональные предпосылки (влияние гормонов, повреждения головного мозга); 4) внутриличностные причины и механизмы отклоняющегося поведения [1, с.41].

Исследователь Л.М. Зюбин выделяет следующие причины девиантного поведения подростков: а) недостаток умственного развития в целом (но не патология!), что препятствует правильному самоанализу поведения и прогнозированию его последствий [4, с.318]; б) недостаточная самостоятельность мышления и поэтому большая внушаемость и конформность; в) низкая познавательная активность, обеднённые и неустойчивые духовные потребности [3, с. 296].

Среди традиционных причин девиантного поведения подростков в психологии обсуждаются следующие: нарушения в становлении, формировании и развитии личности (А.Е. Личко, В.С.Мухина); нарушения в деятельностной линии онтогенеза (Д.Б.Эльконин, М.Ю. Кондратьев); влияние социокультурных особенностей (Л.Б. Филонов); влияние образа жизни семьи и семейных отношений –детско–родительских, детско–детских, родительских; влияние